

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ И ПАДЕЖНЫЕ ОППОЗИЦИИ.

(на материале русского и армянского языков)

А. Г. МАКСАПЕТЯН

В ряде исследований последнего времени развивается идея относительного параллелизма словообразовательных и словозменительных форм, обусловленного присутствием и тем и другим способностью к выражению падежных (актантных) значений¹. Иными словами, словообразовательные и словозменительные средства могут рассматриваться как падежные формы, если «под термином «падеж» понимается глубинно синтактико-семантическое отношение, а под термином «падежная форма» — выражение падежного отношения в конкретном языке»². В словообразовании указанная особенность наиболее непосредственно проявляется у отглагольных существительных (за исключением имен действия), замещающих определенную валентность в ролевой структуре производящего глагольного предиката. «... В словозменении существительного многие из указанных актантных значений имеют типовые падежные формы выражения: субъект — именительный падеж, объект — винительный падеж, содержание — так называемый «изъяснительный» («о чем»), адресат и получатель — дательный, инструмент и средство — творительный, место — предложный: ... В словообразовании такими типовыми средствами выражения актантных значений являются отглагольные существительные со значением субъекта, объекта, содержания, результата, места, инструмента, средства и способа действия»³.

Тождество актантных значений некоторого множества отглагольных существительных должно служить содержательным критерием для их объединения в словообразовательный тип (СТ), понимаемый как «единство ономаσιологической структуры ряда слов (т. е. единство целостного структурного значения и единство взаимоотношений составных частей этой структуры), единство лексико-грамматической категории словообразовательной основы и единство форманта»⁴. Однако требование однозначности СТ кажется противоречащим действительному положению дел в исследуемых языках. Так, словообразовательная система современного русского языка изобилует фактами регулярного совмещения двух и более актантных значений в пределах одного СТ, как-то: значений субъекта, объекта, инструмента и, в ряде случаев, места действия в типах -ОК, -Н(я), -ЕЦ, -АК, -ЕНЬ, -К(а) — ср. в армянском языке сочетание активного и пассивного значений в типах -ԱԿԱԿ, -ԱԿ, -ՈՒ, -ՍԻՇ, -ԱՄ; значений субъекта и инструмента (часто и места) действия в типах -ՏԵԼԻ, -ՈՒՅԻ, -ՇԻՔ, -ՇԻՔ, -ԱԿ, -ԱՄ, -ԱՄՈՐ, -ՕՐ, -Լ, -ԼՔ(ա), -ՈՒՇ(ա) — ср. СТ -ԱԿ и особенно продуктивный -ՊԶ в армянском. Более того, совмещение разных падежных значений имеет место и в отдельных производных — таково, в частности, ставшее регулярным

¹ См., например: Е. Л. Гинзбург, Словообразование и синтаксис, М., 1979; Е. С. Кубрякова, Типы языковых значений. Семантика производного слова, М., 1981.

² Ч. Филлор, Дело о падеже. — «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 10, М., 1981, с. 399—400.

³ Ю. Д. Апресян, Лексическая семантика, М., 1974, с. 132.

⁴ М. Dokulil, Tvorení slov v češtině, 1, Praha, 1962, с. 202.

⁵ Здесь мы отвлекаемся от различий значений объекта и результата, определяя их общим падежом объекта.

сочетание субъектного и инструментального значений в именах массовых профессий и орудий труда: раскленватель, крошитель, загуститель, расщепитель, известкователь, истребитель, счетчик, погрузчик, разведчик, бомбардировщик, поливщик, подборщик и т. п. — ср. аналогичные образования в армянском: գրիչ, կորիչ, քրքրիչ, հաշիւիչ, բրիչ, կոկիւիչ, հասիւիչ, քանիւնիւիչ, կաշիւիչ, կործանիւիչ и т. п. Подобная неоднозначность производного, существенно расширяющая сферу его обозначения, отражает на уровне слова неоднозначность самого СТ.

Данное явление одними специалистами трактуется как словообразовательная омонимия⁶, другими — как словообразовательная полисемия⁷. Часто оказывается утраченным объективный критерий разграничения фактов омонимии и полисемии: «Нередко полагают, что суффиксы -тель, -чик, -щик, -ник, образующие в русском языке названия инструментов и помина agentis, распались на две оморфемы. ... В то же время совмещение в этих же суффиксах орудийного и местного значений обычно не рассматривается как омонимия, а считается полисемией, поскольку место и инструмент воспринимаются как более родственные понятия, чем категории инструмента и лица»⁸. Неоднозначность СТ вынуждает некоторых исследователей приписывать подобным деривационным моделям максимально обобщенные, инвариантные семантические характеристики типа: «субстанция, имеющая отношение к процессу»⁹, или «предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом»¹⁰, что вызывает возражения других исследователей¹¹.

Однако, чтобы обеспечить непрерывность семантического описания словообразовательной системы, т. е. сохранить релевантность падежных характеристик и для СТ, поставляющего более чем одно падежное значение, такого рода СТ можно толковать как словообразовательный архитип¹² (по аналогии с архифонемой). В этом случае неоднозначность архитипа будет обусловлена нейтрализацией ряда падежных оппозиций.

Привативные оппозиции, предложенные Р. О. Якобсоном для падежной системы русского языка, характеризуют падежные формы по наличию или отсутствию сигнализации следующих дифференциальных семантических признаков: 1) объемность, т. е. предел участия предмета в действии; 2) периферийность, т. е. указание на предмет, играющий побочную роль в высказывании; 3) направленность, т. е. наличие отношения к предмету, на который направлено действие¹³. Поскольку речь идет о наиболее регулярном совмещении субъектного, инструментального и объектного значений (в словообразовании), то здесь в центре внимания оказываются оппозиции: именительный — творительный (типичные формы выражения субъекта и инструмента — см. выше) и именительный — винительный (типичные падежные формы субъекта и объекта). В обеих оппозициях именительный падеж выступает в роли немаркированного члена: в первом случае он характеризуется отсутствием признака «периферийность», который присущ творительному (и тот, другой «необъемные» и «не направленные»); во втором случае именительный падеж лишен признака «направленность», свойственного винительному (при «необъемности» и «непериферийности» обоих). Абсолютная немаркированность именительного падежа в системе предопределяет возможную нейтрализацию падежных оппозиций в контексте. Так в результате

⁶ См. А. Н. Тихонов. Словообразовательные омонимы в русском языке, РЯШ, 1971, № 1, с. 88—93; О. С. Ахманова, Словарь омонимов русского языка, М., 1974.

⁷ См. П. А. Соболева. Словообразовательная полисемия и омонимия, М., 1980, с. 83—109.

⁸ Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке, М., 1961, с. 104.

⁹ П. А. Соболева. Указ. соч., с. 85.

¹⁰ В. В. Лопатин. Словообразование имен существительных. — «Русская грамматика», М., 1980.

¹¹ См. В. Н. Хохлачева. Проблема словообразовательного значения. — «Грамматика и норма», М., 1977, с. 5—10.

¹² Ср. иное понимание этого термина: Р. С. Манучарян. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках, Ереван, 1981, с. 170.

¹³ Излагается по: Н. А. Кондрашов. История лингвистических учений, М., 1979, с. 138—139.

трансформация типа: «Некто разбил окно молотком» → «Молоток разбил окно», происходит нейтрализация оппозиции: именительный-творительный (по «периферийности»); нейтрализация же оппозиции именительного и винительного падежей является следствием пассивизации исходной структуры: «Некто разбил окно» → «Окно разбилось (разбито)» (ср. аналогичные синтаксические конструкции в армянском языке). Субъектное оформление на поверхностном синтаксическом уровне именных элементов с объектным и инструментальным значениями, непосредственно связанное с коммуникативной перспективой высказывания, (топикализацией и эмфазой)¹⁴, эмпатией (точкой зрения говорящего)¹⁵ и т. п., обусловлено способностью именительного падежа выражать значения противопоставленных ему маркированных падежей: «Принципиально новой чертой привативных оппозиций в плане содержания является способность немаркированного члена оппозиции имплицитно передавать семантику маркированного члена»¹⁶. Совмещение субъектного и объектного, субъектного и инструментального значений в одном СТ также может интерпретироваться как следствие нейтрализации соответствующих падежных оппозиций, которое, однако, в отличие от аналогичной нейтрализации в синтаксисе является фактом системы, а не контекста. Тогда подобный СТ будет представлять собой архитип, выявляющий способность семантически немаркированной субъектной падежной формы выражать значения инструмента и объекта.

Возможно подобная аналогия словообразовательных и словоизменительных (синтаксических) значений и форм покажется вызванной поверхностным сходством языковых единиц различной природы: семантически обусловленного производного слова, обладающего самостоятельной знаковой ценностью и обусловленной грамматически «акциденциальной» формы слова, являющейся парадигматическим вариантом лексемы. На деле же субъектное оформление имен с объектным и инструментальным значениями как в синтаксисе (подлежащее—грамматический субъект), так и в словообразовании (архитипы) имеет определенное семантическое основание, т. к. отражает некоторые содержательные связи в самой действительности.

В структуре семантического языка А. Вежбицкой, как известно, нет элементов с объектным, инструментальным, местным и другими подобными значениями, а есть только субъекты и приписанные им предикаты: «... С семантической точки зрения понятие объекта бессмысленно, или, по крайней мере, излишне: «объект действия» — просто субъект какой-то ситуации, каузируемой какой-то другой ситуацией... Аналогично элемент с инструментальным значением всегда скрывает в себе субъект самостоятельного предложения с выраженным или невыраженным предикатом... и экспонентом причинного отношения (потому что)»¹⁷.

С этой точки зрения трехместный глагольный предикат с субъектным, инструментальным и объектным элементами представляет собой иерархию субъектно-предикатных структур, связанных друг с другом асимметричным и транзитивным отношением каузации. На онтологическом референтном уровне это соответствует представлению некоторой макроситуации в виде причинно-следственной цепи микроситуаций¹⁸. Тогда, субъект (агенса) — это субъект₁ (C₁), инструмент—субъект₂ (C₂), а объект—субъект₃ (C₃); элементарные, одноместные глагольные предикаты (парадигматические варианты глагольной лексики), обозначающие действие C₁, действие C₂ и состояние C₃, соответственно — П₁, П₂ и П₃ (порядковый номер обозначает место микроситуации, константами которой являются данные C и П, в причинно-следственной цепи событий. Причем П₁ — каузатив к П₂: «Разумно считать, что резать что-л. ножом» — каузатив к «Нож режет», «лечить что-л. лекарством» — каузатив

¹⁴ О правиле выбора подлежащего и о коммуникативном выделении см.: Ч. Филлмор. Указ. соч., с. 419, 447—454.

¹⁵ См.: Ю. С. Степанов, Имена. Предикаты. Предложения, М., 1981, с. 358.

¹⁶ А. В. Бондарко, Грамматическая категория и контекст, Л., 1971, с. 87.

¹⁷ Цитируется по: Л. Д. Апресян. Лексическая семантика, М., 1974, с. 35.

¹⁸ Непосредственно составляющими микроситуации являются предмет и его признак — см.: В. П. Неделков, Г. Г. Сильницкий, Типология каузативных конструкций — Типология каузативных конструкций, Л., 1969.

к «Лекарство лечит» и т. п., т. е., усматривать по два принципиально различных значения у этих глаголов: «резать» 1 = Caus («резать» 2), «лечить» 1 = Caus («лечить» 2) и т. д. Тогда инструмент и средство — субъекты действий «резать» 2, «лечить» 2, для реализации которых они непосредственно предназначены и которые каузируются другим, внешним по отношению к этим действиям субъектом...»¹⁹; P_2 — каузатив к P_3 (т. е. «резать» 2 = Caus «резаться») и, вследствие транзитивности каузации, P_1 — каузатив к P_3 (т. е. «резать» 1 = Caus «резаться»). Предложение типа: «Некто разбил окно молотком» на глубинном уровне будет выглядеть как отношение двойной каузации, которое соответствует следующей семантической интерпретации: «Некто сделал так, что молоток сделал так, что окно разбилось»²⁰.

Поскольку отношение мутационной производности: глагол — существительное (и любого рода мутацию), как и всякое отношение производности выражающееся в частичном тождестве означающих производящего и производного, можно уподобить метонимии, проецирующей в словообразовательную систему языка действительную смежность объектов, обозначаемых производящим и производным знаками — признака и предмета, то, следуя субъектной интерпретации объекта и инструмента, надо полагать, что в семантическом аспекте производность будет иметь место между глагольным и субстантивным компонентами одной микроситуации. Иными словами, существительное семантически производно не от абстрактной глагольной лексемы, а от того ее парадигматического варианта (P_1 , P_2 , P_3), по отношению к которому это имя реализует субъектную валентность (C_1 , C_2 , C_3). С этой точки зрения «резчик», «резалка» (C_1) производны от «резать» 1 (P_1); «резен», «резак», «хлебо-, овощерезка» (C_2) производны от «резать» 2 (P_2); «нарезка», «вырезка», «резьба» (C_3) производны от пассивной словоформы «резаться» (P_3). Таким же образом «истребитель» («летчик» - C_1) производно от «истреблять» 1 (P_1), а «истребитель» («самолет» - C_2) — от «истреблять» 2 (P_2) и т. д. Аналогично в армянском «*կտրիչ*» (C_1) производно от «*կտրել*» 1 (P_1), «*կտրիչ*» (C_2) — от «*կտրել*» 2 (P_2), а «*կտրանք*», «*կտրվածք*» (C_3) — от «*կտրել*» (P_3): ср. также производные от глаголов: *բրել*, *կտրել*, *բռնել*, *բռնակ*, *մղել*, *հեծել* и др.

Инструмент, понимаемый как падеж непосредственной физической причины, обобщает более частные значения собственно инструмента, активной части субъекта и средства. «Формы со значением инструмента отличаются от форм со значением средства тем, что использование средства приводит его к расходуванью..., в то время, как применение инструмента оставляет его в несвязанном состоянии. ... Формы со значением средства и особенно инструмента внешне очень сходны с формами, обозначающими орган или активную, рабочую часть субъекта («натирать пол рукой»...), но внутренне существенно отличаются от них. Орган — связанная часть субъекта..., а инструмент и средство — отдельные предметы, органически с предметом не связанные»²¹. Естественно, что и эти специфицированные значения общего падежа инструмента могут выражаться типовой немаркированной падежной формой субъекта. В синтаксисе подобная нейтрализация происходит на поверхностном уровне, когда указанные элементы выполняют роль подлежащего («Рука натирает...»; «Нож режет...»; «Раствор моет...» и т. п. — ср. аналогичные случаи в армянском). В словообразовании такая нейтрализация имеет место в архитипе -Л, совмещающем значения субъекта (вышибала, воротила, грома, зывала, зубрила, светила...), активной части субъекта (жало, правило, нюхало, хлебало, дыхало, моргала...), инструмента (поддувало, черпало, пугало, мерило, давило, точило...), средства (мыло, белила, чернила...); в архитипе -ГЕЛЬ, совмещающем значения субъекта (создатель, писатель, золотоискатель...), инструмента (глушитель, предохранитель, огнетушитель...), средства (растворитель, проявитель, пятновыводитель...) и в некоторых других архитипах. Ср. также производные со значением активной части субъекта

¹⁹ Ю. Д. Апресян, указ. соч., с. 129.

²⁰ Подробный анализ этого предложения А. Вежбицкой см.: Ю. Д. Апресян, указ. соч., с. 35.

²¹ Ю. Д. Апресян. Указ. соч., с. 128—129.

(*իւսի՞նց, Բարձրի՞նք...*) и средства (*լուժիչ, հալոսծիչ, օրորիչ...*) в армянском языке.

При наличии всех элементов с этими значениями в одной макроситуации их субъектная интерпретация строит следующую каузативную цепочку микроситуаций: $C_1P_1 \rightarrow C_2P_2 \rightarrow C_3P_3$, где C_1 соответствует собственно субъекту (агенсу), C_2 — связанной с C_1 отношением неотчуждаемой принадлежности активной части, C_3 — собственно инструменту, P_1, P_2, P_3 — средства, действие которого непосредственно каузирует состояние объекта (C_3); P_1, P_2, P_3 соответствуют действиям субъекта, его активной части, инструмента, средства и состоянию объекта, а стрелки показывают направление каузации. Увеличение количества посредников (в целом характеризующихся как C_3) между C_1 (деятелем) и C_3 (целью), что, возможно, отражает совершенствование орудий труда в действительности (колун, тесак, тяпка... копнитель, сеялка, трактор...), сводит к минимуму участие C_1 в макроситуации, но сохраняет за ним статус главной причины (*causa causalis*) — верховного каузатора в некоторой последовательности событий. «...Явно или скрыто каузативные глаголы имеют своим субъектом всегда активно действующее, целеполагающее существо — прежде всего «Человек»²². Вероятно именно вследствие обычной «одушевленности» или, даже «человечности» субъекта, субъектное оформление инструмента (необходимо «неодушевленно»), отвлекающееся от реальных причинных связей, может дополнительно восприниматься как «вторичная категоризация», «персонификация»²³ или «олицетворение»²⁴ вещи-инструмента.

Итак, общим семантическим основанием нейтрализации указанных падежных оппозиций, проявляющейся в фактах выражения типовой немаркированной падежной формой субъекта значений инструмента и объекта, является инвариантный семантический признак «субъектность», в равной мере присущий падежам субъекта, инструмента и объекта, как логико-сигнификативный аспект всех возможных предметов, мыслимых как субъекты атрибутов (C_1P_1, C_2P_2, C_3P_3).

«Маркированная словообразовательная категория может включаться в состав немаркированной, т. к. последняя имеет недетализованное значение, общее для обеих»²⁵. У отглагольных существительных конститuentами такой наиболее немаркированной и обобщенной словообразовательной категории (СК) субъекта (действия или состояния) являются архитипы, в которых нейтрализовано семантическое различие деятеля (C_1, C_2) и цели (C_3): -ОК, -АК, -ЕЦ, -ЕНЬ, -К(а), -Н(я) и нек. др.; архитипы, в которых нейтрализовано различие собственно субъекта (C_1) и инструмента (C_2): -ТЕЛЬ, -НИК, -ЩИК, -АЧ, -УН, -АТОР и др., конституируют СК Деятеля, непосредственно включенную в первую (ср. аналогичные архитипы в армянском). И, наконец, уже словообразовательные типы, а не архитипы, конституируют наиболее маркированные СК, которые соподчинены немаркированной СК Субъекта. Так типы -ЛЬЩИК, -АРЬ, АЛЬ, -ЛЕЦ, -ЕР и др. конституируют СК C_1 , типы -ЛЬНИК, -Ц(ы), -К(и), -ЛК(и), -УНК(и) — СК C_2 , а типы -АТ, -НЬ, -ИЩ, -ИВ(о) — СК C_3 (ср. подобные типы в армянском языке). По мере субкатегоризации родовой немаркированной СК Субъекта сужается объем охватываемых предметов за счет возрастания семантической определенности, маркированности категорий.

Полагая, что словообразовательный аффикс есть знаковая единица и исходя из обратной взаимозависимости интенционала (значения, содержания) и экстенционала (обозначения, употребления) знака, можно утверждать, что интенционал суффиксов, идентифицирующих C_1, C_2 и C_3 (см. выше) меньше, а экстенционал их больше, чем, соответственно, интенционал и экстенционал суффиксов, идентифицирующих C_1 и C_2 . Аналогично интенционал последних меньше, а экстенционал их больше, соответственно, интенционала и экстенционала суффиксов, идентифицирующих только C_1 , только C_2 или только C_3 .

²² Ю. С. Степанов, указ. соч., с. 167.

²³ Дж. Лайонз, указ. соч., с. 315—316.

²⁴ Ч. Филлмор, указ. соч., с. 402.

²⁵ Р. С. Манучарян, указ. соч., с. 209.

Привативные оппозиции падежных форм и их последующая нейтрализация в словообразовании и синтаксисе — грамматическое проявление универсального смыслового парадигматического (асимметричного и транзитивного) отношения гипонимии: что верно для общего, верно и для частного. Способность немаркированной падежной формы имплицитно выражать значение, свойственное маркированной падежной форме, обусловлено тем, что значение первой подчиняет, включает в себя значение второй, как род включает вид.

Архитипы, в итоге, отражают многозначность многоместного производящего глагольного предиката, в сфере значения и обозначения которого неизбежно вовлечены предметы различной природы, как реальные носители процессуального признака. «Многие типы регулярной многозначности глагола отличаются от регулярной многозначности существительного тем, что семантическое различие между значениями прослеживается не на денотативном, а на сигнификативном уровне»²⁶. Архитипы отглагольных существительных наследуют от производящих глаголов именно такую сигнификативную исходнозначность, которая, в свою очередь, предопределяет и их денотативную исходнозначность: из меньшей семантической определенности одной деривационной модели по сравнению с другой следует ее больший охват в области обозначения и наоборот.

Ա. Հ. ՄԱՔՍԱՊԵՏՅԱՆ—Բառակազմական տիպարներ և հոլովածների օպոզիցիաները (ռուսերենի և հայերենի նյութի հիման վրա).— Լեզվաբանական վերջին մի շարք հետազոտություններում բառակազմական միջոցները դիտվում են որպես հոլովածներ: Ելնելով դրանից մենք մեկնաբանում ենք ռուսերենում և հայերենում բառակազմական տիպարներում իմաստների համատեղումը իբրև որոշակի հոլովածների օպոզիցիաների շեղոթացում, որը ի սարբերություն համանման շարահյուսական, տեքստային շեղոթացմանը, սխտեմի պատկանելությունն է: Նման բառակազմական տիպարներն արտացոլում են ածանցների իմաստների տրամաբանական ներառման ստորակարգումը, ինչը հատուկ է ընդհանուրի, հավասարապես բնորոշ է մասնակիի համար:

²⁶ Ю. Д. Апресян, указ. соч., с. 203. Примеры сигнификативной многозначности глагола см. там же, с. 203 и сл.